

О люди! Так разрешите вас назвать?
 Режьте меня, жгите меня!
 Но так приятно целовать
 Копыто у коня:
 Они на нас так не похожи,
 Они и строже, и умней,
 И белоснежный холод кожи,
 И поступь твердая камней.
 Мы не рабы, но вы посадники,
 Но вы избранники людей!
 И ржут прекрасные урядники,
 В нас испытую слово «дей!».

У Боброва Хлебников стал спрашивать о работах Эйнштейна. Тот рассказал, что знал, Хлебников же заметил, что ему это не нравится. «Почему не нравится?» — поинтересовался Бобров. «Ну это научный жаргон, больше ничего», — ответил Хлебников. «Ну а как же тяготение?» — спросил Бобров. «Да и тяготение тоже — научный жаргон, — парировал Хлебников, — я легко могу построить мир, где не будет ни света, ни тяготения». Эта парадоксальность мышления Хлебникова нередко проявляется и в его стихах. Неудивительно, что при таких масштабных интересах многие его замыслы остались незавершенными. Это прежде всего относится к его главному историософскому труду «Доски судьбы», над которыми Хлебников работал в 1921–1922 годах. Он так и не успел полностью подготовить «Доски судьбы» для печати.

Пока же, в 1916 году, Хлебников увлечен идеей «государства времени» и обществом Председателей земного шара. Он активно вербует новых членов. Правда, многие даже не подозревали, что стали Председателями земного шара. В хлебниковский список попадают его друзья футуристы Бурлюк, Маяковский, Каменский, Асеев, Ивнев, поэты и писатели Зенкевич, Кузмин, художники Малевич и Спасский, композитор Артур Лурье, летчики Г. Кузьмин и В. Михайлов. В этот же список попали «члены китайского посольства Тинь-Э-Ли и Янь-Юй-Кай», посол Абиссинии Али Серар, Рабиндранат Тагор. В 1917 году «пропуск в правительство звезды» получают даже А. Ф. Керенский и Т. В. Вильсон. Правда, в деятельности Керенского Хлебников очень скоро разочаровался.

С предложением вступить в общество Председателей Хлебников хотел обратиться к Максиму Горькому. К Горькому, хотя он принадлежал к другому литературному лагерю, Хлебников и все футуристы относились с большим почтением. Еще будучи студентом Казанского университета, Хлебников посылал Горькому на отзыв свои произведения. В 1915 году Каменский, Бурлюк и Маяковский, познакомившись с Горьким, пригласили его в «Бродячую собаку» на вечер,

предложил ему пообедать у уборщицы Дома Герцена. Уборщице кто-то сказал, что Хлебников — странник, и она почтительно называла его батюшкой. Хлебникову это понравилось. Пообедав, Хлебников и Мандельштам пошли в лавку «Книгоиздательства писателей». Там «работали» Н. Бердяев и критик В. Львов-Рогачевский. Как впоследствии Мандельштам рассказывал Харджиеву*, стоявший за прилавком критик спросил:

— Вы член писательской организации?

Хлебников неуверенно пробормотал:

— Кажется, не состою...

Мандельштам сообщил Львову-Рогачевскому, что в левом флигеле Дома Герцена есть свободная комната. Тот ответил:

— У нас есть способные литераторы, которые тоже нуждаются в комнате.

Мандельштам запальчиво заявил, что Хлебников — самый значительный поэт эпохи. Хлебников слушал, улыбаясь. Речь Мандельштама была безуспешна, свободную комнату получил другой «способный литератор».

Маяковский и Брики готовы были позаботиться о Хлебникове, но не настолько, чтобы поселить его у себя на длительный срок. «Он хуже маленького ребенка», — сказала Лиля Брик Митуричу, поручая ему «присматривать» за Хлебниковым. В Водопьяный переулок к Маяковскому и Брикам Хлебников и Митурич иногда заходили вместе. Им были рады, их кормили и усаживали играть в рулетку. Жил Хлебников в это время все там же, в общежитии ВХУТЕМАСа, сначала в коридоре, а потом в комнате у художника Евгения Спасского, родного брата поэта Сергея Спасского. Зимой 1922 года они встретились вновь на литературном вечере, обрадовались друг другу, поговорили и расстались, а чуть позже, на том же вечере, Спасский узнал от кого-то из студентов, что Хлебников неустроен, что ему негде жить. У Спасского в это время уехала жена, и он в комнате остался один. Через несколько дней, встретив Хлебникова, он предложил поэту перебраться к нему. Хлебников с радостью согласился. «У меня, — пишет Спасский, — была комната с большим итальянским окном. Мебель не была изысканная, но было все, что необходимо, и ничего лишнего: столик, две табуретки, мольберт и соседское кресло, удобное для размышлений и отдыха, старенький диван, на котором спал я, и напротив поставили железную кровать с матрацем для Велимира. Единственное богатство мое составлял небольшой кавказский ковер, полученный мною в наследство, которым я и закрывал матрац на кровати, так как одеяла лишнего у меня не было, не было его и у Велимира. Так началась совместная наша трудовая жизнь. Главное, что обоим было и

* См. об этом: «В Хлебникове есть всё!» // Литературная газета. 1992. 1 июня.

хорошо и спокойно. Все имущество Велимира составлял белый узелок, с которым под мышкой он и пришел. С большой любовью и осторожностью он его развязал, вынул оттуда чернильницу, ручку и большую пачку неаккуратно, довольно беспорядочно сложенных листов бумаги, как чистых, так и испещренных мелким бисерным почерком в разных направлениях. Чернильницу и ручку он пристроил на табуретке, пододвинул ее к своей кровати, а все листки с поспешностью были брошены под кровать, откуда они извлекались по мере надобности. Причем как он в этом хаотическом хозяйстве разбирался и находил то, что ему было нужно, непонятно. Работал он быстро, стихийно, нервно и всегда словно прислушиваясь к витающим вокруг него мыслям и словам. Каждое утро, напившись чаю, устраивались мы по своим углам. Я пододвигал мольберт, а Велимир свой столик с бумагой и чернилами. Наступала тишина, та активная, наэлектризованная тишина — лучшая почва для творческой работы. Велимир, как всегда, работал порывами, то он быстро и мелко исписывал листик бумаги, потом с такой же быстротой и уверенностью все перечеркивал. Иногда сминал написанное и бросал под кровать. После этого молниеносно ложился, подтягивал к себе колени, натягивал шубу, которая лежала тут же, закрывался с головой и затихал, но ненадолго. Минут через 10–15 шуба откидывалась в сторону, он энергично бросался под кровать, и тут начинались поиски. Из-под кровати летели во все стороны исписанные листочки, покрывая, как снег, весь пол»*. Спасскому Хлебников посвятил стихотворение:

Так, душу обмакнув
В цвет розово-телесный,
Пером тончайшим выводить.
Как бисер, паучки блестят водою пресной.
Ты кистью, я пером
С тобой вдвоем,
И воробей подслушивает мысли
Летунчики, летящие за выси.

Митурич заботился о поэте, часто приносил ему от Исаковых обеды, снабжал табаком-самосадам. И все же чувствовалось, что Хлебников устал. Устал от постоянного безденежья, от невозможности напечатать свои произведения, от жизни у чужих людей, по чужим углам. Устал от мучившей его уже более полугода лихорадки. Устал от одиночества и непонимания. Одно из стихотворений этой поры

* Цит. по: «Пророческая душа»: Хлебников в воспоминаниях современников / публ. А. Е. Парниса // Литературное обозрение. 1985. № 12. С. 101.

Рис. Евг. Спасского. 1922 г.

В. Хлебников

Портрет работы Е. Спасского. 1922

имеет характерное название — «Одинокий лицедей». Еще в 1916 году в прозаической вещи «Ка» Хлебников написал: «Хорошо, — подумал я, — теперь я одинокий лицедей, а остальные — зрители. Но будет время, когда я буду единственным зрителем, а вы лицедеями». Образ «одинокого лицедея» прочно связывается Хлебниковым с его собственной судьбой.

И пока над Царским Селом
Лилось пенье и слезы Ахматовой,
Я, моток волшебницы разматывая,
Как сонный труп, влачился по пустыне,
Где умирала невозможность,
Усталый лицедей,
Шагая напролом.

А между тем курчавое чело
Подземного быка в пещерах темных
Кроваво чавкало и кушало людей

неприятны, хотя раньше он таких мелочей не замечал. Однажды они шли с Митуричем по Кузнецкому, и Хлебников остановился у витрины с костюмами. «Я бы не отказался иметь такой костюм, — сказал он. — Мариенгоф хорошо одевается». Митурич принялся утешать друга, говоря, что его костюм «соткан из нитей крайностей нашей эпохи», но Хлебникова это не утешало. Он стал все чаще раздражаться, причем раздражали его порой те самые люди, которые заботились о нем.

Он был совершенно измучен лихорадкой. Приступы становились все чаще и чаще. Спасский пишет, что во время приступов он наваливал на себя все, что возможно, но его так трясло, что кровать под ним начинала двигаться. Комната Спасского была в подвальном помещении, сырая и темная, и там больному человеку находиться было практически невозможно. Во время одного из самых сильных приступов больного приютили у себя на несколько дней супруги Куфтины. Оба они были образованные люди, нечуждые литературе и музыке. Они не побоялись взять к себе больного с лихорадкой, но через несколько дней, когда ему стало лучше, Хлебников сам отправился «домой», к Спасскому.

Хлебников рисует
Портрет работы П. Митурича. 14 апреля 1922